

Николай Михайлович Карамзин

**О легкой одежде модных  
красавиц девятнадцатого века**



Николай Михайлович Карамзин

# О легкой одежде модных красавиц девятнадцатого века

«Всегда и везде первым женским достоинством была скромность. Древние думали, что та женщина есть совершенна, о которой люди не говорят ни худого, ни доброго: ибо домашняя жизнь (твердили они) есть, по закону Природы, святилище ее достоинств, непроницаемое для глаз любопытных: внем она сияет и красотою и любезностию; в нем печется о супруге и детях; в нем услаждает сердце первого и образует юную душу последних...»

*Произведение дается в дореформенном алфавите.*

# Содержание

#1 .....	0005
Примечания .....	0012

**Николай Михайлович  
Карамзин**

**О легкой одеждѣ модныхъ  
красавицъ девятаго-  
надесять вѣка**

Всегда и вездѣ первымъ женскимъ достоинствомъ была скромность. Древніе думали, что та женщина есть совершенна, о которой люди не говорятъ ни худаго, ни добраго: ибо домашняя жизнь (твердили они) есть, по закону Природы, святилище ея достоинствъ, непроницаемое для глазъ любопытныхъ: въ немъ она сіяетъ и красотою и любезностію; въ немъ печется о супругѣ и дѣтяхъ; въ немъ улаживаетъ сердце перваго и образуетъ юную душу послѣднихъ. Женщина, говорили восточные мудрецы, есть прекрасный, нѣжный цвѣтъ, увядающій отъ неосторожныхъ взоровъ желанія. Такія мысли ввели въ употребленіе покрывало: символъ женской скромности и щитъ прелестей, извѣстныхъ одному щастливому супругу!

Теперь въ публичномъ собраніи смотрю на молодыхъ красавицъ девятаго-надесять вѣка, и думаю: гдѣ я? въ Мильтоновомъ ли раю (въ которомъ милая натура обнажалась передъ взоромъ блаженнаго Адама), или въ кабинетѣ живописца Апелла, гдѣ красота являлась служить моделью для Венерина портрета во весь ростъ?

Дѣйствіе всесильной моды, которую, подобно фортунѣ, должно писать слѣпою! Наши стыдливыя дѣвицы и супруги оскорбляютъ природную стыдливость свою, единственно для того, что Француженки не имѣютъ ее, безъ сомнѣнія тѣ, которыя прыгали контрдансы на могилахъ родителей, мужей и любовниковъ! Мы гнушаемся ужасами Револуціи и перенимаемъ моды ея! Знаемъ, что нынѣшній Парижскій свѣтъ состоитъ изъ людей безъ всякаго воспитанія, безъ всякаго нѣжнаго чувства, и, слѣдуя старой привычкѣ, хотимъ соглашаться съ его новыми обыкновеніями! Нѣкогда Парижъ въ самомъ дѣлѣ могъ назваться столицею вкуса: ибо утонченіе свѣтскихъ пріятностей было единственнымъ дѣломъ его въ теченіе двухъ вѣковъ. Но это время прошло, и долго, долго не возвратится, не смотря на желаніе Консула Бонапарте воскресить Французскую Любезность, которая – естли не умерла, то по крайней мѣрѣ заснула глубокимъ сномъ Эпименида на развалинахъ Бурбонскаго трона и на кипарисахъ Револуціи. Какія женщины даютъ нынѣ тонъ въ Парижѣ? Роскошныя супруги

Банкировъ и *подрядчиковъ* (fournisseurs), обогащенныхъ народною казною – женщины низкаго состоянія, не имѣющія идеи о любезности прежнихъ знатныхъ Француженокъ, которыя всего болѣе отличались игрою ума и *кокетствовали*, такъ сказать, нѣжнымъ чувствомъ пристойности. Мудрено ли, что сіи новыя молодыя Аристократки – сіи цвѣты, которыя выросли и распустились на землѣ облитой кровію несчастныхъ жертвъ гильйотины – не имѣютъ никакого чувства истинныхъ женскихъ достоинствъ, и, стараясь нравиться употребляютъ способы Парижскихъ Лаисъ, единственныхъ образцевъ своихъ? Но мудрено то, что въ государствѣ благоустроенномъ, гдѣ есть нравы, воспитаніе и правила, женщины, вообще любезныя, слѣдуютъ модѣ Парижскихъ мѣщанокъ! Онѣ безъ сомнѣнія съ великимъ трудомъ побѣждаютъ милую стыдливость; безъ сомнѣнія долго сражаются съ нею при своемъ, такъ-называемомъ *Греческомъ уборѣ*, который скорѣе можно назвать Американскимъ. Кто читалъ древнихъ Авторъ или хотя Анахарсиса, тотъ знаетъ, что Гречанки были скромны. На древнихъ жен-

скихъ статуяхъ обнажены нѣкоторыя прелести; но художники слѣдовали не обыкновенію отечества, а желанію доказать свое искусство въ изображеніяхъ Натуры, отдаваясь на судъ супругамъ или юнымъ друзьямъ Аспазій. Художники и Поэты имѣютъ право снимать съ красоты покрывало; но теперь имъ мало труда!

Я увѣренъ въ невинности многихъ, и, еслили угодно, всѣхъ нашихъ красавицъ; но что подумаетъ объ нихъ – на примѣръ, какойнибудь добродушной, но грубой Сибирякъ, пріѣхавшій въ столицу и во многочисленномъ собраніи видящій сію прелестную *откровенность женскихъ сердець*? Увѣримъ ли его, что наши молодые супруги, въ полурайской зефирной одеждѣ, не имѣютъ никакихъ намѣреній, оскорбительныхъ для святости супружества? Онъ вѣрно засмѣется и скажетъ съ Гиперборейскою грубостію: «Отправьте же ихъ скорѣе домой; онѣ безъ сомнѣнія лунатики, сонныя вышли *изъ спальни* и сонныя сюда пріѣхали!» Еслили будемъ изъяснять ему сей феномень дѣйствіемъ Французской моды,

то онъ вообразить, что мы хотимъ дурачить его, и никакъ не пойметъ, чтобы *обезьянство* (Сибирское названіе моды) могло считаться въ столицѣ первымъ достоинствомъ, которому всѣ другія уступаютъ!

Естьли красавицы по справедливости вѣрятъ болѣе Медикамъ, нежели Моралистамъ (которые всѣ Сибиряки своею неучтивостію), то скажемъ съ важностію Гипократовъ и Галеновъ, что въ сѣверномъ климатѣ эта мода опасна для самаго здоровья, слѣдственно и красоты! Уже къ нещастію могли бы мы наименовать двѣ или три жертвы ея, всѣмъ извѣстныя; но избѣгая личностей, говоримъ только о возможномъ. Натура не предвидѣла сего обыкновенія, и въ надеждѣ на вѣрную защиту одежды, образовала женскія прелести такъ нѣжно, что прикосновеніе грубаго воздуха для нихъ бѣдственно, особливо послѣ нашихъ баловъ, которыя стоятъ труда всѣхъ Греческихъ Атлетовъ! Не хочу живо расписывать слѣдствій и представлять въ красавицѣ зарожденіе ужасной, смертельной болѣзни, которая, постепенно изглаживая всѣ ея прелести, ведетъ

ее тихими или быстрыми шагами ко гробу.

Это сильно; но слѣдую правиламъ школьной Реторики, самое сильнѣйшее убѣжденіе сохранили мы для конца. Вотъ оно: воображеніе есть самой льстивой живописецъ: оно питаетъ страсти; но глаза ослабляютъ уже его дѣйствіе; я не воображаю того, что вижу; а видя нынѣ и завтра, привыкаю, и часъ отъ часу смотрю равнодушнѣе. Вамъ конечно нѣтъ дѣла до меня, красавицы (ибо мнѣ уже гораздо за пятьдесятъ лѣтъ); но такъ самые молодые люди чувствуютъ, и Жанъ Жакъ Руссо, по справедливости любезный всякому нѣжному сердцу, вамъ то же скажетъ, еслили заглянете въ Эмиля. Вы конечно прелестны, и живописцы ходятъ за вами съ кистию; но истинная польза милой страсти, которая составляетъ главное дѣло вашего, иногда слишкомъ чувствительнаго сердца, требуетъ покрывала!

Еще одно замѣчаніе. Въ мое время женщины хвалили Вертера, которой сказалъ, что жена его никогда не будетъ *вальсировать*; это чувство казалось имъ нѣжнымъ. Въ мое время мужа и любовники бывали ревнивы: те-

перь они конечно исправились отъ сего порока. Любовь нынѣ, кажется, гораздо терпѣливѣе и покойнѣе; тѣмъ лучше для семейственнаго мира, но – тѣмъ хуже для живости страстей; тѣмъ хуже для милой власти женскаго пола!

*В. Мулатовъ.*

# Примечания

О легкой одеждѣ модныхъ красавицъ XIX вѣка (ч. 2, № 7, стр. 250–256). Статья подписана В. Мулатовъ, но принадлежитъ Н. М. Карамзину и перепеч. въ П. С. С., т. 3, стр. 521, изд. Смирдина.